

РАЗДЕЛ IV. ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 101

Боков Д.Ю.

Военно-технический университет при Спецстрое России (г. Балашиха)

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

D. Bokon

*Military-Technical University of the Federal Agency
for Special Construction (Balashikha)*

PHILOSOPHIC AND LEGAL FOUNDATIONS OF INFORMATION-ORIENTED SOCIETY

Аннотация. В условиях перехода России в информационное общество особую социальную значимость приобретает нормативное регулирование общественных отношений. В статье выдвигается положение, что для регулирования отношений в информационном обществе необходимо преодолеть традиционное отношение к силе государственного принуждения, присущей позитивистской традиции права. На первый план выведен такой регулятор, как ответственная саморефлексия участников взаимодействия, что позволяет сформировать саморегулируемую полисубъектную социальность, адекватную принципам существования и движения информации.

Ключевые слова: информационное общество, коммуникация, полисубъектная социальность, правовая реальность, социально-правовое взаимодействие.

Abstract. In terms of Russia's transition into the information-oriented society the normative regulation of social relations acquires particular significance. To regulate relations in the information-oriented society it is essential to get rid of the orthodox attitude towards state coercion as prescribed by positivist law tradition. Emphasis is put on such a regulator of social-legal interaction as participants' responsible self-reflexion that allows of creating self-regulatory poly-subjective sociality adequate to existence and information flow principles.

Key words: information-oriented society, communication, poly-subjective sociality, legal reality, social-legal interaction.

С развитием процессов информатизации и возникновением в этой связи новых общественных отношений особую остроту и социальную значимость приобретает проблема их адекватного нормативного регулирования. Современное общество оперирует множеством регуляторов общественных отношений, среди которых — право, религия, мораль, корпоративная культура и т. д., но очевидно, что наиболее строгим и весомым среди них, именно гарантом развития социальности, остаётся право [1, 131-161; 8; 11, 7].

Концепция и конструкция информационного общества, базирующиеся на принципах глобализации, децентрализации, развитии информационного и знаниевого компонентов и т. д., предполагают отказ от устоявшегося позитивистского понимания права и обращение к более глубоким основаниям правовой реальности. Методологическими предпосылками поиска философско-правовых оснований информационного общества выступают следующие положения.

Во-первых, в контексте становления и развития общества информации логично предположить, что право следует рассматривать не только как самостоятельную сферу социальной реальности, но и как инструмент, способ её конструирования и развития.

Во-вторых, информационное общество предполагает формирование так называемой *полисубъектной социальности*, когда в масштабе социального пространства возникают самоорганизующиеся сферы, требующие признания себя в качестве самостоятельных субъектов социальной жизни. Здесь важно установить и непротиворечиво описать уровни и модели их отношений, поскольку именно специфика отношений в социуме создаёт контекст его ноуменального выражения и развития.

В-третьих, представляется важным основополагающее утверждение социально-правовой концепции Н. Лумана о том, что не существует никакой непреложной эмпирически-нормативной организации людей в обществе, а есть лишь некоторая схема наблюдения, в которой позиция наблюдателя выступает «метанормой» по отношению ко всем возможным социальным выражениям нормативности [3; 6; 10].

Как справедливо отмечает Тихонравов Ю.В., «право есть результат определенной реакции человека на внешнюю реальность и, одновременно, само по себе есть антропогенная реальность, т. е. реальность, созданная человеком, но обретшая независимое от него существование» [9, 15]. Здесь важно выделить мысль о том, что объективное право как совокупность норм и правил, устанавливающих жёсткий стандарт регулирования социальных отношений, не является универсальной завершённой конструкцией: это своего рода модель, форма, которая адекватна социальной системе в определённом периоде её развития; но принципиальное изменение системы, её переход на новый уровень предполагает осознание и смену существующей модели также на принципиально иную.

В связи с формальным характером позитивного права, что для современного

правового мышления стало само собой разумеющимся, представляет интерес тезис Ж. Лакана, который, анализируя понятие «формального», выделил в нём два смысловых аспекта. Во-первых, «форма» рассматривается им как «совокупность условностей, из которых вы можете вывести целый ряд следствий, вытекающих друг из друга теорем, внутри совокупности которых устанавливаются отношения структур», и, во-вторых, «форма, хорошая форма, означает, напротив, целокупность, осуществлённую и изолированную» [5, 53-54]. Первый аспект описывает технологическую сторону нормативного правового акта (как основного источника права для романо-германской правовой семьи), это акт «писанный», в терминологии теории государства и права — *позитивное право* или *система права*. Второй аспект выражает идею права, его дух, естественное начало, правовую систему, которая в значительной степени формируется иррациональными составляющими — правовой идеологией, правовой психологией, правовой культурой, носителями которых выступает общество как совокупность граждан, личностей, реальных акторов действий, попадающих в сферу регулирования правом отношений в информационном обществе. Данная мысль не является новой для современной философии права, но по-прежнему лишь определяет основное направление развития правовой реальности в целом.

Собственно правовая наука игнорирует социально-культурный пласт, в котором осуществляется правовая деятельность и реализуются организационные особенности этой деятельности, хотя именно он и задаёт контекст, в котором возникают, существуют и реализуются нормативные акты, и в случае несоответствия ему они просто не станут работать, будучи средством, способом регулирования возникающих отношений между людьми и их сообществами.

Тот факт, что эффективность позитивного права сводится, в конечном счёте, к глубинным личностным структурам, для информационного общества принципиально важен и подчёркивается следующим.

Дискурс закона (права) формирует для личности по отношению к закону две возможных позиции. Первую представляет та часть людей, которая отстранена от технологии создания закона и его исполнения. При любой форме государства она составляет большинство граждан, которые по отношению к действующему праву в большей степени ориентированы на результат их действия, нежели на процесс; для них нет необходимости овладевать закономерностями правотворчества и исполнения закона.

Вторая позиция принадлежит меньшинству — политической элите, которая закон создаёт и потому непосредственно ответственна за его исполнение. Эти люди, с одной стороны, должны владеть правовым дискурсом, — чтобы иметь возможность удерживать его, закона, контекст; “чувствуя” его, управлять им, тем самым управляя социальной жизнью; стать по отношению к закону наблюдателем, осознавать себя “вышедшим” за его рамки. И в этом смысле “...закон обнаруженный больше законом не является” [5, 269], поскольку, как указывает Ж. Лакан, для этой группы людей утрачивается сакральность закона: закон легитимен, только когда сокрыты источники его происхождения и “источники происхождения” всякой легитимности. С другой стороны, являясь членами регулируемой законом социальной общности, им необходимо удерживать позицию исполнителя этого самого закона. Такое двойственное положение в современной психологии и антропологии, а именно психотехнологиях, ориентированных на коммуникативную сторону процесса взаимодействия субъектов, называется позицией “участника-наблюдателя”, когда вовлеченный в процесс субъект одновременно исполняет две социальные роли.

Для “удержания” такой позиции и, тем более, деятельности в её рамках требуются значительные затраты в смысле расходования энергии личности. Кроме того, для законодателя закон не является сакральным, поскольку он же его и создаёт. Следовательно, легитимность в формальном, “внешнем”

её аспекте (прямое соответствие закону) не является для его деятельности направляющим и/или ограничивающим фактором. При этом, чтобы обеспечить для закона требуемую для него “целокупность осуществленную и изолированную”, вполне обоснованно утверждать, что для субъекта, включённого в дискурс права, во-первых, оправданно использование “участника-наблюдателя” как понятия и методологического приёма, во-вторых, необходима личностная зрелость, “внутренняя легитимность”, некая совершенность (или завершенность) во всех аспектах её понимания, что и составляет необходимую философско-правовую предпосылку информационного общества.

Можно предположить, что существенной особенностью новой модели регулирования социальных отношений должна стать система ответственного саморегулирования как более тонкая и сложная форма контроля социально значимых действий. Подразумевается, что она содержит отказ от прямого, директивного управления [4], на котором основана эффективность позитивного права, опирающаяся, фактически, на очевидную силу.

Как показывает М.К. Мамардашвили, переход на новый уровень социально-правового развития возможен, если полагать право объектом, обладающим свойством становления, процессуальности, что, в свою очередь, формирует ментальную установку на «отказ от посылки существования некоторого предустановленного мира с готовыми законами и сущностями» на основании осознания того, что «нечто не предустановлено в виде закона, а устанавливается в качестве закона» [7, 64].

В качестве более тонкого способа управления возможно, например, использование спонтанно возникшей ситуации, когда управляющий и управляемый находятся в одном информационном потоке, не устанавливая личных отношений, т. е. управление ситуацией через общий контекст, общую цель взаимодействия. Так, например, учащиеся, тем, что они сделали социальный заказ,

пришли учиться, управляют рабочим временем преподавателя, а преподаватель, отдавая информацию, тем самым управляет образованием студентов.

Еще более сложный, но и более масштабный с точки зрения социально-культурного значения способ (уровень) управления – который, следуя Р. Дилтсу, состоит в том, что действия этого уровня не являются специально действиями по управлению. Управление возникает в этом случае как побочный эффект и несколько не заставляет того, кто действует, затрачивать силы или вообще как-то держать в поле своего внимания поведение других людей. Однако именно эти действия оказывают наибольшее влияние на структурирование социальной реальности. Эти действия могут быть чисто внешне базовыми, то есть направленными не на людей, а на материальные или когнитивные объекты. Например, А. Эйнштейн, занимаясь исследованиями в области естественных наук, создал мыслительную парадигму, которая изменила способ мыслить и, соответственно, действовать многих тысяч людей. «Управляющий» на данном уровне не зависит от того, что множество людей, понимая эффективность его способа действовать, используют этот способ. Его интерес — внутри его собственного действия.

Следует признать, что указанные направления исследования лежат за пределами методологии современной правовой науки, это, скорее, подходы когнитивной философии и антропологии, но в современном гуманитарном знании, предлагающем множество моделей процессов и явлений действительности, обосновано осознание необходимости внимания социальных дисциплин к научному аппарату друг друга, так как именно последнее открывает ресурс для их взаимного идейного обогащения, и данный факт сам по себе отражает возможность изменения методологии правовых наук.

Продолжая развивать идею сконструированности, следовательно, возможности целенаправленного изменения социальной реальности, а также исходя из того факта,

что знание является основным принципом информационного общества, рассмотрим более подробно технологию конструирования правовой реальности, используя подходы современных мыслителей философии и социологии знания [2, 88-89], исследующих взаимосвязь человеческого мышления и социального контекста, в котором оно возникает, исходящих из антропологических предпосылок, что означает своего рода признание приоритета личности (в её природно-социальной целостности) в конструировании и поддержании форм социальной реальности.

В процессе конструирования людьми социальной реальности происходит специализация знания, организация сопутствующего ему персонала, и возникает институт экспертов, когда первоначально «эксперт по охоте не претендует на роль эксперта по рыбной ловле, а потому у него нет основания конкурировать с последним» [2, 191]. Эксперты в той или иной области претендуют на то, чтобы определять, какова будет их область реальности. Чем сложнее формы знания, тем больше претензии экспертов на новый статус.

С усложнением специализации знания появляется чистая теория. На первый взгляд, она никак не связана с практической жизнью общества, это своего рода платоновские идеи, иллюзия, однако такая иллюзия, которая «несет огромный социально-исторический потенциал в силу взаимосвязи между процессами определения и производства реальности» [2, 192]. Те, кто занимается созданием и развитием чистой теории, определяют свою профессиональную реальность (в правовой реальности – это те, кто создаёт и исполняет законы в материальном и процессуальном смысле). По сути, эта группа людей принимает решение о содержании норм и правил поведения и взаимодействия индивидов и их объединений, тем самым определяя структуру «своего» участка, а это предопределяет действия людей и движение материальных средств в данной области реальности.

Правовая реальность, как и социальная реальность в целом, конструируется благо-

даря процессам хабиитуализации, институализации, легитимизации и инновации.

Хабитус – это привычка, действие, которое часто повторяется, становится образцом поведения; хабитус уменьшает выбор практически до одного способа действия, тем самым снимает необходимость постоянного психического напряжения при принятии решения, экономит усилия, что создаёт базу для инноваций тогда, когда усилия действительно нужны, путём экономии психической энергии [2, 89-90]. Таким образом, социально значимое действие содержит и выражает два плана психической жизни человека: дальний – хабитус, ближний – инновация в области действия путём принятия решения.

Легитимность – законность, оформление некоего принципа действия человека в каком-либо виде, понятном всем членам общества и обязательном для всех. Это способ «объяснения» и «оправдания» реальности.

Институт возникает там, где имеется взаимная типизация хабиитуализированных действий деятелями разного рода. Институт типизирует не только действия, но и деятелей в институтах, институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелем типа X. Например, правовые институты устанавливают правило, согласно которому привлекать к юридической ответственности будут особым способом в особых обстоятельствах, и делать это будут определенные категории людей, и данное правило является очевидным для современных теоретиков права.

Институты связаны с разделением труда, всегда имеют историю, не могут быть созданы моментально и осуществляют контроль за человеческими действиями, устанавливая образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных, направлений.

Институты контролируют деятельность людей дважды. Первичный контроль осуществляется самим их наличием как образцов деятельности. Выражаясь теоретико-правовым языком, речь идёт о регулирующей функции права и правовой нормы в частнос-

ти. Дополнительные институты контроля нужны в том случае, когда институализация была не вполне успешной. Вторичный контроль выражает идею охранительной функции правовой нормы, когда содержащегося в ней запрета или сформулированного правила поведения недостаточно, чтобы участники правоотношений им следовали, выражая свою добрую волю. Дополнительные институты контроля – это вся система правоохранительных органов, восстанавливающая нарушенные социальные связи и отношения путём прямого принуждения от имени государства.

Как правило, в культуре сначала возникает хабитус, потом институт, который потом легитимизируется. Следствием укрепления института экспертов является усиление традиционализма в хабиитуализированных, институализированных и легитимированных действиях. Усиливается тенденция к инерции, внутренне присущая любой институализации. Вообще любой институт накладывает рамку на пластичность человеческих действий, ограничивает её. Однако любой институт делает тем самым действия людей более реальными, единообразными, тем самым укрепляет социальную реальность.

С точки зрения любой системы управления, социальная реальность должна быть единообразной, ведь если позволить ей быть разноплановой, разнопорядковой, это приведёт к её неуправляемости. Точнее говоря, социальная реальность управляется *изнутри себя*, и способы, используемые ею для этого, естественно, представляются членам социума «нормальными».

Тем самым выявляется принципиальная философско-правовая проблема регулирования отношений в информационном обществе: как совместить разноплановость субъектов и их отношений, имманентно присущих информационному обществу, и привычный способ управления при помощи системы позитивного права. И, следуя Луману и Мамардашвили, для решения этой проблемы представляется необходимым коренным образом изменить ментальную уста-

новку на право как предустановленную карающую силу, действующую в формате власти – подчинения, и вывести на первый план регулятивную, а не охранительную функцию права, что является характерной особенностью информационного общества.

Правовое или, точнее, социально-правовое взаимодействие также порождает правовую реальность как часть социальной реальности благодаря тем же процессам. Однако, в отличие от других реальностей, функция вторичного контроля, контроля в виде санкций, является для права практически ведущей. Правовая реальность, таким образом, находит себе место во всех других реальностях современного общества как их сущностный аспект, как вторичный контроль институтов других реальностей. Правовая реальность – это объединение институтов, реализующих отчуждённую (отданную праву) другими реальностями функцию санкционирования.

Таким образом, принципиальной философско-правовой проблемой регулирования отношений в информационном обществе представляется совмещение разноплановости субъектов и их отношений, имманентно присущих информационному обществу, с привычным способом управления при помощи системы позитивного права, поскольку информационное общество, основанное на признании безусловной значимости каждого своего участника и актора, отрицает директивное управление, которое заведомо заключает взаимодействие в рамки властного административного неравенства и подавляет свободу, естественное движение и становление информационного пространства.

Предполагается, что существенной особенностью новой модели регулирования социальных отношений должна стать система ответственного саморегулирования как бо-

лее тонкая и сложная форма контроля социально значимых действий. Чтобы изменить какой-либо институт, создать инновацию, в том числе правовую, необходимо, как минимум, понять его природу, изучить, как он возник, для чего служил и в чем разошёлся с хабитусом современной жизни. Для этого необходимо десакрализировать право как универсальный регулятор социальных взаимодействий, необходимо адекватно воспринимать его конструкции, осознавать его возможности и недостатки с точки зрения возможности регулирования отношений в постоянно изменяющемся информационном обществе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байтин М.И. Сущность права. М., 2005. 544 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
3. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996. 160 с.
4. Дилтс Р., Халлбом Т., Смит С. Убеждения: Пути к здоровью и благополучию. Портленд Орегон: Метаморфоз Пресс, 1994. 161 с.
5. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. “Я” в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954 / 1955). М., 2009. 520 с.
6. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. Общество и сферы смысла. М., 1991. С. 194-218.
7. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984. 80 с.
8. Петрова Л.В. О естественном и позитивном праве // Государство и право. 1995. № 2. С. 32-41.
9. Тихонравов Ю.В. Философия права. М., 1996. 608 с.
10. Филиппов А.Ф. Социально-философские концепции Никласа Лумана // Социологические исследования. 1983. № 2. С. 177-184.
11. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988. 144 с.